

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лепестиния Лепестиния

Город грехов

<https://litres.ru/74549453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда любовь - это война. Иногда война - это любовь. Она привыкла выживать. Он привык побеждать. Их встреча не была случайной, даже если им так кажется. В городе, где правит тот, кто улыбается в лицо, а бьёт в спину, сложно отличить друга от врага. Особенно когда под кожей жар, в голове туман, а прошлое стучится в дверь.

«Я выполнил клятву. Я любил только тебя».

Любовь сильнее смерти. Но хватит ли этого, чтобы выжить?

Содержание

Урок для щенка	4
Когда мир перестал цвести	6
Пустота как оружие	12
Город где грех стал религией	15
Рай для грешников	18
Шрам под тональным кремом	25
Стеклянный трон	27
Пролитая встреча	30
Игра в кота и львицу	33
Искра на балконе	35
Сад между мирами	39
Черный букет на белой скатерти	41
Ужин не с тем	44
Декорации	49
1:1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лепестиния

Город грехов

Урок для щенка

Рассвет над озером был неестественно тих. Птицы, словно почуяв волка, замолкали, заслышав тяжёлые шаги по пеплу. Карим, с лицом, искажённым яростью, осматривал почерневшие руины конспиративного гаража.

— Идиоты! — его крик разорвал утреннюю хрупкую тишину. Он резко развернулся, отмахнул полы пальто, и рука потянулась к кобуре.

Стальной захват на его запястье был стремительным и неоспоримым. Карим вскрикнул от неожиданности и боли.

— Что не так?! — прошипел он, оборачиваясь к Леону.
— Дайте выпустить пар!

Босс не отвечал. Его ледяной взгляд был прикован к точке среди углей. Туда, где лежала единственная уцелевшая вещь — обычная жестяная банка.

— Придурок, — без единой ноты гнева произнёс Леон и, отпустив руку помощника, шагнул в пепелище.

Он наклонился и поднял банку. И тут же из темноты на него уставилась пара чёрных глаз.

— Что смотришь? — Леон усмехнулся. В этом взгляде,

полном животного ужаса перед огромным миром, он увидел собственное отражение. Таким же его когда-то считали — испуганным, одиноким, никому не нужным; ему все пророчили гибель на задворках этого города. «Сдохнешь в грязи, как все твои мечты», — шипели голоса из прошлого.

А он взял и выжил. Не благодаря — назло. Назло системе, судьбе, всем, кто хотел его сломить. Жизнь сумела убить в нём того паренька, но не смогла сломать стальной стержень внутри. Она лишь выковала из него оружие.

— Сдохнешь тут без мамки, — с каким-то почти нежным сарказмом произнёс он. В этот момент по его запястью скользнул маленький зелёный питон. Холодная, живая сила. Его взгляд, такой же бездонный и спокойный, вернул Леона в настоящее.

Прошрое было слабостью. А слабость надо сжигать, как это здание.

— Найти и убить, — его голос стал плоским и металлическим. Он отбросил банку, вставил сигарету в зубы и, не оглядываясь, пошёл к машине, оставляя в пепле и того испуганного «щенка» из своего прошлого, и его самого — того, кто позволил себе на секунду вспомнить, каково это — бояться.

Когда мир перестал цвести

Казалось бы, и не о чем рассказывать. Ведь идеальных мест не существует, разве что во сне. Или в мечтах простого мальчика, который хотел стать писателем.

Мальчик тот видел будущее ясно. Он будет выплескивать все свои чувства на лист бумаги, а потом встретит Её. Ту самую. Построит семью, родит детей и перестанет чего-либо бояться. Будет любить и будет любимым. Заведёт собаку и уедет в загородный дом, где никто лишний не потревожит его маленькое счастье. Там будут цвести яблони, а на фоне — звонкий смех дочки или сына, бегущих по траве. Простая, настоящая жизнь.

Но это были лишь мечты.

Теперь Леону двадцать девять. У него есть тот самый загородный дом. И сад с яблонями. Но того, чего он искал всем сердцем, в нём нет. Вернее, он нашёл это и тут же потерял. И замены не найти. Никогда.

Он держит бизнес, не совсем легальный. Родился в обычной семье, но выковал себе очень необычную внешность, ставшую его бронёй и дневником боли.

Его бледная, почти фарфоровая кожа усыпана чёрными узорами татуировок. В каждый символ он вложил память. В каждый штрих — боль, ярость, потерю. Это не украшения — это шрамы его души, выведенные на поверхность.

Белоснежные волосы, символ его альбинизма, он отрастил и собирает в строгий пучок, позволяя лишь нескольким прядям спадать на высокий лоб, словно выпуская на свободу крупницу того хаоса, что кипит внутри.

А его глаза... Бледно-фиолетовые, сиреневые озёра, чаще всего скрыты за тёмными очками. Он прячет их не только от солнца, но и от людей. Это слишком уязвимо — позволить миру видеть ту боль, что застыла в их глубине. Он высокий, подтянутый, с осанкой хищника, и он знает, что красив. Но эта красота стала ему проклятием.

Он может позволить себе всё: любую вещь, любую женщину, любую прихоть. Но он не может позволить самого себя. Не может подарить своё израненное сердце и позволить кому-то полюбить того мальчика, что до сих пор живёт в нём и ждёт, когда же зацветут те самые яблони.

Именно поэтому он и стал тем, кем стал. Потому что, когда ты не можешь иметь то, что нужно душе, ты начинаешь владеть тем, что можно взять силой.

Леону было четырнадцать. Самый обычный пацан из неблагополучного района Sin Sity. Он перебивался с двойки на тройку, курил за гаражами, дрался за место под солнцем и понятия не имел, что мир может быть иным. Пока в его школу не пришла она.

Эла. Ей было десять. Всего десять. Девочка-ангел с разноцветными глазами. Один — небесно-голубой, другой — изумрудно-зелёный. Она только перешла в пятый класс, быстро

нашла общий язык с одноклассниками, получала хорошие отметки; первые места на олимпиадах, грамоты и похвалы учителей чаще всего доставались именно ей. Она была всем, чего он не мог понять: умной, светлой, хрупкой. Эла была особенная. Именно поэтому мальчишки разных возрастов проявляли к ней внимание, кроме Леона, который молча ставил фото красавицы с доски почёта и повесил возле своей кровати. Он любовался ангельским личиком перед сном и после пробуждения, но в школе совсем не обращал на неё внимания.

Он мог бы и дальше прятать эту слабость, хранить её как секрет, который никому не позволено увидеть. Но однажды осенним вторником всё изменилось.

Он шёл с друзьями, готовый поскорее забыть о школе, как вдруг...

— Леон! — он слышит своё имя и застывает на месте. Голоса друзей тускнеют, а в голове — только этот ангельский голос, который зовёт его по имени. — Леон! — снова бьёт в уши. Не показалось. Он оборачивается и тут же заостряет взгляд на своём ангеле, с которым засыпает и просыпается. Эла бежит прямо к нему, блондинистые волосы развеваются из-за ветра, щёчки краснеют, и лямка портфеля спадает с одного плеча. Эта картина навсегда в его памяти.

— Чего тебе, малявка? Откуда знаешь моё имя? — буркнул он, надевая маску равнодушия. Он не мог показать, что сердце его готово выпрыгнуть из груди.

Эла остановилась напротив и подняла голову, чтобы видеть высокого парня. Она сложила руки за спиной, а носочком туфельки начала водить по асфальту перед собой. Смущается и кусает пухлые губки, но взгляда не отводит, смотрит прямо в глаза Леона, который и мечтать не мог о разговоре с прекрасной девчонкой.

— Ты занял первое место в забеге, — девочка тут же расплывается в яркой улыбке. Не сдерживается и Леон, ведь его заметили. — Ты крутой!

Его мир перевернулся.

И тут понеслось. Они начали вместе гулять, бегать друг к другу на переменах, вместе обедать. Леон провожал Элу до дома, встречал перед уроками. Они часами болтали по телефону, делали уроки вместе, и с тех пор пропал первый хулиган школы. Он начал учиться, получал хорошие оценки, бросил курить и драться, ведь на это не осталось времени. Это была первая любовь — нежная, неловкая, такая хрупкая, что казалось, её можно сломать одним неверным словом. Леон оберегал свою девочку, как самое ценное сокровище в своей жизни. Никто не смел её обидеть и даже пальцем тронуть. Эла была всем для Леона, и наоборот — она жила этим парнем и жила для него.

Леон нашёл подработку и за несколько месяцев накопил на подарок своей девочке. Он проснулся рано, купил букет алых роз и плюшевую игрушку в виде белого зайчика. Вылитая Эла: такая же милая и маленькая. Он нарядился в един-

ственный костюм-«тройку», уложил свои блондинистые волосы и побежал к чужому подъезду. Только, прождав час, никто не вышел. Трубку Эла не взяла, и напрягшийся парень побежал в школу. Как она могла уйти без него? Неужели обиделась? Или что-то случилось? Заболела? В голове — куча мыслей, а ответа ни на один вопрос нет.

Он забегает в школу, через пять секунд оказывается на втором этаже и подбегает к кабинету, откуда обычно слышен смех подружек Элы. А сейчас он слышит совершенно обратное. Это пугает. Леон подходит ближе, и букет с игрушкой тут же падают под ноги. На третьей парте среднего ряда, где обычно с яркой улыбкой сидела его принцесса и махала ему рукой, стоит фото, украшенное чёрной лентой.

— Леон... — классный руководитель Элы вытирает слёзы на глазах платком и идёт к парню. Все были в курсе этих отношений, и никто не был против, ведь Эла и Леон делали друг друга лучше. — Её не стало сегодня ночью. Мне очень жаль...

И тут мир Леона рухнул. Навсегда.

Мир не просто рухнул. Он исчез. Исчез вместе с тем мальчиком, который верил, что можно быть счастливым. Вместе с тем ангелом, который подарил ему надежду.

Всё, что осталось, — пепел. Пепел от роз, пепел от мечты, пепел в душе.

Именно тогда, в тот осенний вторник, и родился тот Леон. Тот, чья кожа стала холстом для боли. Тот, кто спрятал фио-

летовые глаза за тёмными стёклами. Тот, кто решил, что если нельзя любить — можно владеть. Если нельзя защитить — можно уничтожить.

Пустота как оружие

Стать самым опасным человеком в городе Леону помогла пустота. Та самая, что образовалась на месте души, когда умерла Эла. Даже спустя пятнадцать лет рана не затянулась. Она не просто ноет — она выедает его изнутри, напоминая, что единственное светлое, что у него было, он уже потерял. А значит, терять больше нечего.

— Кани, где же плата за нашу доброту? — Голос Леона был мягким, почти ласковым, что контрастировало с обстановкой подвала: голые бетонные стены, запах сырости, крови и страха.

Он медленно обошёл стул, на котором сидел связанный брюнет. Кровь со лба мужчины заливала ему бровь, и Леон, прищурившись, аккуратно вытер лезвие ножа о свой пиджак. Движение было отточенным, привычным, будто он смахивал пылинку.

— Мои парни тоже хотят кушать.

— Я всё вернул! — голос Кани сорвался в надрывный шёпот. Глупец. Он думал, что сделка с дьяволом спасёт его бизнес. Не понимал, что дьявол всегда меняет условия. — Мы договаривались на десять процентов!

— Теперь я хочу семьдесят, — Леон сказал это так же спокойно, как если бы заказывал кофе.

— Вы с ума сош...

Удар ножа в бедро был стремительным и точным. Не чтобы убить. Чтобы научить. Кани захрипел, его глаза округлились от ужаса: он смотрел на рукоять, торчащую из его ноги. Слёзы подступили, но он сжал зубы, чтобы не всхлипнуть. Любой лишний звук стоил жизни — он это знал.

— Из-за твоего договора с нами нам сожгли склад, — Леон подкурил сигарету, делая медленную затяжку. — Так что ты возместишь убытки. И компенсацию за моральный ущерб.

Жестоко? Безусловно. Но умершему внутри человеку не понять чувств того, в чьей груди ещё бьётся сердце. Леон не боялся ни осуждения, ни обид, ни даже смерти. Он ждал её как избавления. Ждал, что однажды она явится и наконец-то заберёт его к Эле. Но пока что смельчака, способного отправить его в ад, не находилось. Липкий, животный страх он вызывал в других — и ничего больше.

Дверь в подвал распахнулась.

— Босс! — в помещение впорхнул Карим. Его появление было как глоток свежего воздуха в этом царстве смерти, где даже тишина пахла железом и страхом. Самый обычный парень с выющимися чёрными волосами и глазами, в которых читалась лишь деловая живость и лёгкая беззаботность. Идеальная маска. — Она наконец готова поговорить!

Леон замер. В его глазах, скрытых за стёклами очков, на секунду мелькнуло нечто похожее на азарт. На ту самую искру, что могла высечься лишь от одного имени — Агата.

Львица города грехов. Разговора с ней он ждал куда больше, чем конца света.

— Потом с тобой закончим, — Леон уже был у двери, на его лице играла чуждая ему самому улыбка. В мире, где ничего не имело значения, её вызов стал единственной ниточкой, ведущей из тьмы.

И он ухватился за неё.

Город где грех стал религией

Sin Sity — город, который никогда не просыпается до конца.

Он стелется вдоль берега чёрного озера, воды которого даже в безветрие колышутся, будто под ними шевелится что-то огромное и старинное. По утрам туман с озера ползёт вглубь улиц, цепляется за шпили старых соборов и неоновые козырьки ночных клубов, смешивая запах гниющих водорослей с дорогими духами и гарью.

Здесь нет деления на районы — есть слои, выросшие друг на друге, как перья на вороньем крыле. На одной улице ты видишь витрины с бриллиантами, за которыми следят бездушные камеры, а в переулке за углом — ржавые лестницы, ведущие в подпольные операционные, где лечат пулевые ранения без лишних вопросов. Барокко соседствует с бетонной брутальностью, позолота церковных куполов — с граффити, выцветшими под кислотными дождями.

Город живёт в вечных сумерках. Днём солнце пробивается с трудом, будто стыдится освещать его грехи. Зато ночью Sin Sity расцветает. Он горит алым, синим и ядовито-зелёным: свет баров, борделей и казино отражается в лужах на брусчатке, превращая улицы в парящие галлюцинации. Здесь можно купить всё: новое имя, чужую любовь, оправдание для убийства. Главное — знать, в какую дверь посту-

чаться... и быть готовым заплатить ту цену, которую не озвучивают вслух.

А над всем этим парит Орден Чёрной Орхидеи. Он не правит, он наблюдает. Его агенты не носят униформу. Это врач, сделавший тебе операцию и знающий твой шрам. Это банкир, хранящий твои долги. Это девушка, приносящая тебе утренний кофе и помнящая твои кошмары. Их власть в том, что они знают. Знают, кто кого предал, кто кого любил и кто за что умрёт.

Почему «Орхидея»? Чёрная орхидея — цветок, которого нет в природе. Так и их власть: её будто бы не существует, но её влияние пронизывает каждый переулок. Орхидея — паразит. Она питается соками других растений, чтобы стать прекрасной и желанной. Так и Орден: он поглощает пороки города, чтобы процветать в тени.

Их власть незрима. Они никогда не правят напрямую. Вместо этого они назначают «теневых директоров» — марионеток, которые верят, что именно они держат город на острие.

Их инструменты просты и беспощадны: Аромат — шантаж, построенный на самых тёмных секретах; Пыльца — контроль над тем, что услышит улица и что прочтёт элита; Корни — сеть агентов, от мэрии до уличных банд.

Орден принёс в Sin Sity стабильность. Стабильный хаос, управляемую жестокость. И за это горожане платят ему своей свободой, даже не зная, кому несут эту дань.

Sin Sity — это не просто место. Это живое существо. Оно порождает грехи, питается ими и наказывает тех, кто пытается вырваться из его плена.

Рай для грешников

На окраине Sin Sity, там, где городские огни уже переходят в удушливую тьму, стоит особняк, больше похожий на храм. Неоготика, приправленная декадансом: два этажа из тёмного кирпича, высокая лоджия с ажурной решёткой, крыльцо с колоннами, которые, словно змеи, обвивают толстые лианы плюща. Днём он кажется заброшенным особняком эксцентричного аристократа. Ночью просыпается.

«Alter Ego». Это имя шепчут в кулуарах Sin Sity с особым придыханием. Его не кричат на улицах — его передают как пароль, как признак принадлежности к миру, где правила пишутся заново.

Для каждого, кто переступает его порог, это место становится буквальным воплощением второго «я». Для уставшего банкира — это побег от цифр и договоров в мир, где правят инстинкты. Для политика — место, где можно снять галстук и маску добропорядочности. Для таких, как Леон, — это зеркало, в котором его внутренний хищник видит своё истинное отражение.

Сама вывеска выполнена в сдержанном, почти неброском стиле: тонкие неоновые буквы цвета тёмной вишни на матово-чёрном фоне. Ничего кричащего. Только намёк. Как и всё в этом месте — обещание, которое надо суметь разгадать.

Парковка перед ним огромна и пустынна, будто специаль-

но давая понять: твоё присутствие здесь — редкая привилегия, а не право. Лишь пара автомобилей стоит у входа — тёмные, дорогие, без номеров.

Швейцар с лицом статуи бесшумно открывает тяжёлую дубовую дверь. За ней — мир, пропитанный ароматом дорогой кожи, коньяка и чего-то сладкого, пьянящего: возможно, женских духов, а возможно, греха, ставшего парфюмом.

Администратор, молодая женщина с глазами цвета мокко, встречает тебя без улыбки. Её взгляд сканирует, оценивает и ставит ценник. Без слов она провожает на второй этаж.

И вот он — Зал.

Здесь нет окон в привычном понимании. Одна из стен — сплошное панорамное стекло, выходящее в ночной сад, где в тайных беседках мелькают тени. Остальное пространство — капсула, обитая тёмно-бордовым бархатом в ромб. Диваны низкие, глубокие, созданные для того, чтобы в них тонуть. В воздухе висит томная музыка, а свет приглушён до состояния полумрака, где золото бокалов и отблески в глазах девушек кажутся единственными источниками света.

Девушки. Их наряды — намёк, обещание, приглашение к исповеди самого тёмного. Они не смотрят — исследуют. Их улыбки профессиональны, но в глубине глаз прячется вызов. Они не жертвы. Они жрицы в этом храме, и их услуги стоят дороже, чем жизнь иного посетителя.

В глазах клиентов, развалившихся на бархатных ложах, нет веселья. Лишь извращённая жажда и усталое пресыще-

ние. Их здесь не судят. Здесь их принимают за большие деньги.

Если тебя позвали сюда на переговоры, это высший знак уважения и... предупреждение. Твой собеседник обладает властью входить в самое сердце порока, не запачкав платья.

Леона провели к столику у панорамного окна. Он шёл, не оглядываясь; его тёмные очки скрывали направление взгляда. Вид на сад был театральным, будто сама природа здесь была куплена и поставлена на службу иллюзии.

Карим, как тень, последовал за ним и рухнул на диван напротив.

— Теперь понятно, почему тут так дорого, — восхищённо выдохнул он, проводя ладонью по бархатной обивке. — Здесь продают не женщин. Здесь продают ощущение божества.

Леон не ответил. Он снял очки, и его бледно-фиолетовые глаза, холодные и пустые, медленно обвели зал. Ни намёка на восхищение. Лишь расчётливый, почти скучающий анализ.

Для него это не храм. Это конвейер. Место, где разливают по бутылкам человеческую слабость и продают её с наценкой в 500 %. Он видел не роскошь, а ежемесячные обороты. Не девушек, а амортизируемые активы. Не изысканный интерьер, а дорогой ремонт, который скоро придётся делать заново.

Присвоить. Это слово отдалось в нём ровным, металлическим эхом. Денег у него достаточно, чтобы купить десяток

таких мест. Но дело не в деньгах. Дело в принципе. В росте. В поглощении. В том, чтобы всё, что дышит, несёт прибыль и имеет цену, рано или поздно стало его.

В этой работе, в этом бесконечном расширении он находит единственный смысл. Возможно, иллюзорный. Возможно, последний. Но пока он может брать, он чувствует, что ещё жив.

Цокот каблучков разрезал воздух «Alter Ego», и все присутствующие, будто по команде, повернули головы к входу. Шла она.

Рыжие кудри, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались огненные пряди. Массивные очки в чёрной оправе, за которыми прятались бездонные зелёные глаза. Простая одежда — джинсы и клетчатая рубашка — на ней выглядела как высшая степень шика, подчёркивая то, что нельзя купить за деньги: безупречный вкус и врождённое превосходство.

— Думаешь, она нам по зубам? — Карим не сводил с неё восхищённо-жадного взгляда, наблюдая, как администратор почтительно склоняется перед ней.

— И не таких прогибали, — отрезал Леон, но его взгляд, скрытый за тёмными стёклами, уже проводил её аналитическим сканированием. Он не видел красоты, он видел актив. Дорогой, сложный и пока неподконтрольный.

И всё же... когда Агата опустилась в кресло напротив, он уловил нечто на дне её уверенного взгляда. Боль. Ту самую,

что знает лишь зверь, загнанный в угол и научившийся кусаться. Он узнал её, потому что носил такую же в себе.

— Здравствуйте, — его поклон был едва заметным.

— Сразу к делу, — её голос был мягким, почти мурлыкающим, но в нём звенела сталь. — Я здесь только потому, что вы не прекращаете настаивать. Решила, что личный отказ вас успокоит.

Она отпила глоток американо, чувствуя на себе тяжёлый, оценивающий взгляд Леона и почти физиологическое восхищение Карима. Её это не волновало. Её волновало лишь одно: выиграть эту партию.

— Вы прекрасно справляетесь, — продолжил Леон, — но разве мало тех, кто точит на вас зуб? Ваша охрана — хилые ребята. Они не спасут. Вы умны, но даже умным нужна защита. От сантехников, которые заливают пол, от пожарных, которые слишком рьяно проверяют проводку. Моя защита стоит 40 % от выручки.

— Вы отнимаете моё время, — она цокнула языком, и в её зелёных глазах вспыхнули жёлтые искры предупреждения. Она знала, что обе дороги — и согласие, и отказ — ведут в ад. Но одна из них была адом по её правилам. — Если у вас всё, прошу покинуть помещение.

— Как бы такой прекрасной девушке не пожалеть о своём решении, — он скалится, и его нутро, нутро хищника, уловило крошечную волну страха, пробежавшую по её лицу.

— Угрожаете? — она вскинула бровь, и её губы тронула

улыбка-лезвие. — А знаете, Леон, я тоже кое-что слышала. Слышала, что ваш бизнес держится на позволении Марселя. А Марсель... у него странные привычки. Например, он не любит, когда кто-то слишком много шумит на его улицах. Особенно на моих.

— Вы играете с огнём, девочка. Марсель не опускается до разборок с ресторанами.

— Возможно. Только я не девочка, я хозяйка, и у меня есть нужный контакт. — Она потянулась к телефону, и её взгляд, прямой и насмешливый, вонзился в Леона. «Все хищники так умеют», — прочёл он в её глазах. Она не блефовала. Она была точно в слабое место.

Впервые в диалог вмешивается Карим, привлекая к себе внимание шикарной львицы:

— Вы очень смелы. Но иногда смелость выглядит как самоубийство.

— Это не смелость. Это расчёт. А теперь, господа, прошу меня извинить: у меня ужин для важных гостей. Без вас. — Совсем не тепло улыбается владелица.

Парни молча покинули «Alter Ego». У автомобиля Карим наконец выдохнул:

— Думаете, она действительно под Марселем?

Леон молчал; его взгляд прилип к зданию, где за стеклом угадывался её силуэт. Они просчитались. Эта «львица» оказалась не просто красивой игрушкой. Она оказалась игроком.

— Скоро тут приём — День города. Там и узнаем, кем она ему приходится.

Он завёл двигатель. Игра только началась, но первый раунд остался за ней. И это задело его больше, чем он готов был признать.

Шрам под тональным кремом

Агата сидела в своём кабинете, всё ещё чувствуя на губах привкус победы над Леоном, но и осознавая горечь грядущей войны. Её размышления прервали приглушённые, но резкие крики из зала.

Выйдя, она увидела картину, немыслимую для «Alter Ego»: одна из девушек, блондинка с наглым взглядом, отчитывала официантку.

— Что случилось? — голос Агаты прозвучал спокойно, но сильно. Гости мгновенно притихли.

— Она принесла капучино, а я просила латте!

— Она просила капучино, — тихо, но твёрдо парировала официантка, не опуская головы.

Агата, излучая ледяное спокойствие, принесла извинения гостям и пообещала немедленно заменить персонал. Репутация была её главным оружием.

В кабинете официантка стояла, опустив голову. Длинные розовые волосы были заплетены в тугую косу, а форменная рубашка скрывала татуировки на руках.

— Она сама виновата, — пробормотала она себе под нос, снимая перчатки.

И тут Агата увидела их. Длинные, изящные пальцы, усыпанные чёрными узорами. Татуировки, которые так контрастировали с её ухоженной внешностью. На лице и шее их

тщательно скрывал плотный тональный крем, но руки были историей, которую она не могла спрятать.

— Нора, милая, — Агата откинулась в кресле; её взгляд был тяжёлым и разочарованным. — Мне обещали идеальную девочку. А что я получила? Бунтарку. Разукрашенную девчонку. Мне тебя даже не продать. Мужчины тут любят... чистеньких. И даже с ролью официантки ты не справляешься. Скажи, зачем ты мне? Какая от тебя польза?

— Я могу танцевать, — выдохнула Нора, и в её голосе прозвучала та самая, давно задавленная боль, что когда-то свела с ума другого мальчика.

Агата вспомнила ту сделку в заграничном клубе. Ей пообещали «экзотику» и знание языка, умолчав, что подсунут «брак»: девушку с испорченной кожей и непокорным нравом. Но в той стране, с другими вкусами, Нора была звездой.

— Ладно, — Агата сдалась не из жалости. Просто в этой искре она увидела то, что можно продать дороже, чем обычную покорность. — Будешь нашим эксклюзивом. Но на приеме в День города поможешь с обслуживанием. И, Нора... — её голос стал лезвием, — никаких выкидонов.

Нора кивнула, прикусив губу, чтобы не выдать счастливой улыбки. Она развернулась и вышла, а Агата проводила её задумчивым взглядом.

Стеклянный трон

В самом сердце Sin Sity, там, где сходятся все его греховные артерии, высится здание-манифест. Стеклянный небоскрёб, холодный и безупречный, будто его вырезали из самого льда городских амбиций. Днём он слепит отражённым солнцем, ночью же на его вершине зажигается главный символ — огромная орхидея, выточенная из чёрного стекла и подсвеченная изнутри алым, как свежая кровь. Это не просто логотип. Это предупреждение: красота здесь паразитирует на власти, как чёрная орхидея на соках других растений — она расцветает только там, где кто-то другой уже ослаб.

Подняться на 25й этаж можно лишь с особым пропуском. Лифт, стерильный и беззвучный, доставляет избранных прямо в святилище. Кабинет, более похожий на обитель божества. Панорамные стены из стекла открывают вид на город, будто разложенный на ладони. Здесь нет ничего лишнего: гигантский стол из чёрного дерева, несколько стеллажей с документами и один единственный диван невообразимой мягкости, на котором можно забыть о тяжести короны.

Эту корону носит Марсель.

Он не король. Он садовник, ухаживающий за ядовитым цветком под названием Sin Sity. На лацкане его безупречного пиджака — живая чёрная орхидея, бутоньерка, объединяющая всех, кто причастен к истинной власти. Он не правит

— он направляет. Не запрещает, а канализирует. Благодаря ему город не сгорает в огне хаоса, а тлеет ровным, предсказуемым пламенем.

И он так же идеален, как его кабинет. Пепельные волосы, уложенные с безупречной небрежностью. Голубые глаза, способные заморозить кровь. Тело, выточенное часами в спортзале, — единственное место, где он позволяет себе быть диким. Общество боготворит его, строит догадки о его личной жизни, шепчется о том, что он, возможно, не любит женщин.

Лишь самые доверенные знают правду. Правду по имени Геля.

— Папочка, я хочу спать...

Его трёхлетняя дочь, с рыжими, как у покойной матери, волосами и его же голубыми глазами, клевала носом у него на коленях. Её мать, ночная бабочка, осмелившаяся оставить ему наследницу, давно истлела в земле. Марсель не терпит слабостей. Даже своих собственных.

— Дай ещё пару минут тебя потискать, — его голос, обычно металлический, становился тихим и тёплым, когда он говорил с ней. Он знает: чтобы заслужить право на него, женщина должна сначала доказать, что будет идеальной матерью для Гели. А таких женщин не существует.

С появлением помощника его лицо вновь стало маской. Он передал дочь няне и, накинув пиджак, отправился на главное событие сезона — приём ко Дню города в «Alter

Его».

Парковка у заведения Агаты была выставкой роскоши и власти. Каждый прибывающий автомобиль, каждый охранник, каждый кивок были частью сложного ритуала. Зал замер в почтительном поклоне, и даже музыка, прежде висевшая в воздухе, будто съёжилась, уступая место тишине, которую мог позволить себе только Марсель. Ему налили виски из запечатанной бутылки — даже здесь, в логове союзницы, он не может позволить себе расслабиться.

Он присоединился к беседе политиков; его улыбка была безупречной, а взгляд — внимательным. Но где-то на периферии сознания он искал её, Агату. Львицу, осмелившуюся использовать его имя как щит. И в глубине тех самых голубых глаз, что сводили с ума полгорода, теплился холодный интерес. Он пришёл не для праздника. Он пришёл оценить новую фигуру на своей шахматной доске.

Пролитая встреча

Леон вошёл без приглашения. Ему оно было не нужно.

Чёрный костюм сидел идеально, взгляд сканировал зал, выхватывая нужных людей, опасные лица, возможные угрозы. Он не любил такие мероприятия: слишком шумно, слишком много чужих глаз, слишком много тех, кто хочет кусочек его внимания. Но сегодня надо быть здесь. Партнёры, контракты, лицо. Он взял бокал с подноса проходящего официанта, сделал глоток, поморщился.

— Игристое дерьмо, — пробормотал он себе под нос.

И в этот момент мир перевернулся. Что-то тёплое и липкое пролилось ему на грудь, на пиджак, на рубашку. Шампанское. Он замер. Медленно опустил взгляд: по идеально выглаженной ткани расплзлось мокрое пятно.

— О боже, — выдохнул женский голос рядом. — Простите, простите, я нечаянно...

Леон поднял глаза.

Перед ним стояла девушка. Молодая, в униформе официантки, с пустым подносом в руках. Розовые волосы убраны в хвост, лицо бледное от испуга, глаза карие, обычные, ничего особенного. В руке она всё ещё сжимала салфетку, которой пыталась промокнуть его пиджак, от чего пятно только расплзлось.

— Руки убрала, — рявкнул Леон.

Она отдёргнула руку, будто обожглась.

— Я... я правда не хотела... Тут так много людей, я задела локтем...

Она подняла глаза — карие, обычные, ничего особенного — и в этот момент Леон почувствовал короткий, почти забытый укол где-то под рёбрами. Он сжал зубы. — Мне плевать, что ты там задела, — отрезал он, стараясь отогнать это чувство. — Ты хоть представляешь, сколько стоит этот костюм?

Девушка сглотнула.

— Я... я могу оплатить...

— Ты? — он усмехнулся. — Официантка?

Она опустила глаза. Щёки горели, но она молчала. Терпела. Знала своё место.

— Чтоб я тебя больше не видел, — бросил Леон. — Иди. Работай там, где нет людей.

Она кивнула, развернулась и исчезла в толпе. Растворилась, как не было. Леон выругался сквозь зубы, отдал кому-то пиджак, стряхнул капли с рубашки.

— Чёртова прислуга, — пробормотал он.

И пошёл дальше. К партнёрам. К контрактам. К своей обычной жизни. Он даже не обернулся.

В подсобке, прислонившись к стене, стояла Нора. Закрывала глаза, выдохнула.

— Ну и тип, — прошептала она. — Чтоб ты подавился своим шампанским.

Она не знала, что этот «тип» будет сниться ей каждую ночь.

Игра в кота и львицу

Воздух в «Alter Ego» был густым от дорогих духов, табачного дыма и приглушённого смеха. Карим, сделав глоток виски, почувствовал, как алкогольный жар придаёт ему нужную дерзость. Его взгляд упал на Агату, которая, словно королева, покидала шумный зал, направляясь к тихой лестнице, ведущей в её личные апартаменты.

Он двинулся за ней, его шаги были бесшумными, как у кошки. Но львица почуяла охоту. На полпути к кабинету она резко обернулась, и её взгляд, холодный и оценивающий, упал на него сверху вниз. Благодаря каблукам и ступеньке она смотрела на него с высоты своего превосходства — буквально и физически.

— Что-то хотели? — её голос был тихим, но резал стеклом. Она сделала шаг вниз, сократив дистанцию, и теперь стояла прямо перед ним, нарушая его личное пространство. — Преследуете?

— Никак нет, — Карим не отступил. Его взгляд на мгновение опустился на её розовые, насмешливо поджатые губы, а затем снова встретился с её зелёными глазами. Игривая маска была надета безупречно. — Дай номерок, красавица. Не могу тебя из головы выкинуть.

Агата выдержала паузу; в её глазах читалось не раздражение, а скорее... научный интерес. И тогда она рассмеялась.

Это был не смущённый смех, а громкий, открытый хохот, прозвучавший ему прямо в лицо, как пощёчина.

Она положила руку ему на плечо — жест одновременно фамильярный и унижительный, каким одёргивают непослушного щенка.

— Мальчик, тебе до меня не дотянуться, — её голос звенел ясными, колкими колокольчиками. — Смирись.

Она убрала руку; её смех стих, сменившись лёгкой, снисходительной улыбкой.

— Но мне нравится твоя самоуверенность, признаю. Другие боятся даже подойти.

С этими словами она развернулась и пошла наверх, не оборачиваясь, оставив за собой шлейф дорогих духов и вопиющее ощущение собственного превосходства.

Карим остался стоять у подножия лестницы. Его лицо, на секунду искажённое яростью, постепенно стало каменным. Он достал телефон, и его пальцы сжали корпус так, что тот чуть не треснул.

Он вернулся к Леону не просто отвергнутым ухажёром. Он вернулся униженным солдатом, получившим наглядный урок о неписаной иерархии этого города. И в глубине его глаз, обычно скрывавших все истинные эмоции, затеплился новый, холодный огонёк. Это была уже не просто игра. Это стала личная война.

Искра на балконе

Десять минут разговора с матерью подарили Агате призрачное ощущение нормальности. Но едва она вернулась в зал, воздух сгустился. Её путь преградила массивная грудь в идеально отутюженном пиджаке. Готовый сорваться гнев застрял в горле: её взгляд уловил на лацкане крошечную, но безошибочную деталь — бутоньерку. Чёрную орхидею.

Вязкая волна страха подкатила к горлу. Она медленно подняла глаза и встретила взглядом с каменным лицом охранника.

— Пойдёмте за мной, — прозвучало не как просьба, а как констатация факта.

Один из охранников Марсея вёл девушку на лоджию, где никого не было, кроме Марсея и его бугаев. В голове Агаты крутилась куча мыслей о том, что она успела натворить, а туфли будто приросли к полу и не давали идти дальше входа. Она смотрела на широкую спину, видела, что глава ордена курит, замечала дым тлеющей сигареты, и мысленно молилась, пока мужчина разворачивался.

Он сразу притягивал взгляд. Костюм на его большом теле сидел идеально, волосы были уложены, меж губ зажата сигарета. Хотелось взять кисть и отобразить этот образ на бумаге: в голове он точно останется надолго. Если это смерть, то она прекрасна.

Его взгляд, тяжёлый и медленный, скользнул по ней с ног до головы — изучая, оценивая, присваивая. И она поняла, что ошиблась. Она не львица. Для него она — добыча. И от этого осознания по спине пробежал не только страх, но и странный, запретный трепет.

— Добрый вечер, — его голос, низкий, с лёгкой хрипотцой, обжёг её. Ноги едва держали.

— Добрый, — кивнула она, заставляя своё лицо оставаться безмятежной маской. — С чего мне выпала такая честь? Лично глава Ордена захотел со мной поговорить?

— А как иначе ты со мной посоветуешься? — усмешка тронула его губы. В его глазах читалось не раздражение, а любопытство хищника, который вместо того, чтобы разорвать добычу, вдруг захотел узнать, почему она не дрожит. — Вы либо очень смелы, либо очень глупы. Моё имя — не дубина, чтобы ей размахивать. Особенно без моего разрешения.

— А вы либо очень уверены в себе, либо не понимаете, что в этом городе есть люди, которые не боятся смотреть вам в глаза. Даже если это стоит им ресторана, — всё-таки подняла взгляд к чужим глазам Агата и сразу же пожалела об этом. Она утонула в глазах напротив: мурашками покрылась, а оторваться уже не могла. В этом голубом омуте можно было сойти с ума, потонуть и больше никогда воздуха не вдохнуть. А надо ли после такого? — Они угрожали, это были крайние меры.

— И много кому ты моим именем отказываешь? — его вопрос прозвучал тихо, но врезался в самое сердце. Он не спрашивал. Он вскрывал.

— Нет... Это было спонтанно. Я испугалась.

— Ты не похожа на владелицу заведения для... весёлого времяпрепровождения, — Марсель всё пытался что-то откопать на дне чужих глаз.

— А вы не похожи на монстра, которым вас рисуют. Или это тоже часть образа?

Марсель хмыкнул и отошёл обратно к перилам. Он достал пачку, вставил меж губ сигарету и протянул пачку девушке. Та благодарно кивнула, взяла сигарету и встала спиной к перилам — зря. Перед ней тут же возвысился Марсель, наклонился и зажёг зажигалку. Казалось, Агата попала в какой-то сон: такого наяву не бывает. Они прикуривали от одного огня и глаз друг с друга не сводили. Молча курили, а неловкости совсем не было. Марсель так и стоял перед Агатой, всё будто что-то считал, а через пару минут достал свою визитку, взял руку девушки и вложил в неё «подарок».

— Так уж и быть, — ухмыльнулся с сигаретой в зубах мужчина. Чужую руку не отпускал. — Позвони в крайнем случае, — врёт. Не помочь хотел, а к этой сахарной коже прикоснуться. Пожалел. Теперь отпустить не мог, а львица перед ним дразнилась: сама руку не торопилась убирать.

— Спасибо. Я знала, что наш глава очень справедлив, — Агата кивнула и закусила пухлую губу. Чувствовала чужое

желание и играла, хотя сильно об этом могла пожалеть. Не с тем поиграть вздумала.

— Не используй моё имя. И не лезь в дела, которые тебя не касаются. Это продлит твою карьеру. И... жизнь, — он нехотя отпустил руку девушки и отошёл. — Спасибо за тёплый приём.

Он ушёл. Агата осталась одна на лоджии; сердце колотилось. Она не понимала, что только что произошло, но чувствовала: всё изменилось.

Львица решила поиграть с ним в кошки-мышки. Он дал ей это почувствовать. Но правила в его городе писал только он.

Сад между мирами

Перед шикарным двухэтажным особняком на окраине Sin City бесшумно припарковался чёрный автомобиль. Леон вышел, не дожидаясь водителя, и привычным маршрутом нырнул в яблоневый сад.

Это было единственное место в его жизни, не тронутое гнилью. Деревья цвели каждую весну, наполняя воздух горьковато-сладким ароматом — тем самым, что он помнил с детства. Ароматом её волос, её кожи, её присутствия. Он останавливался здесь всегда. Набирал полные лёгкие этого запаха и позволял себе верить, что где-то во вселенной всё ещё есть что-то чистое.

Задняя дверь открылась беззвучно. В прихожей его уже ждала горничная, приняв пиджак с почтительной бесшумностью. Леон остался в тёмной рубашке с закатанными рукавами, обнажавшей вязкие чёрные узоры татуировок на бледных предплечьях.

Он подошёл к стене.

Картина висела здесь уже пятнадцать лет. Художник, которого он нашёл через чёрные рынки трёх стран, написал её со старой школьной фотографии, увеличив каждую деталь до размера настоящего лица. Эла смотрела на него из своего вечного мая. Её разноцветные глаза — один голубой, другой зелёный — были полны той самой нежности, с которой она

когда-то бежала к нему через школьный двор.

Он стоял перед ней, сунув руки в карманы брюк. Его лицо, обычно каменное, медленно смягчалось. Губы тронула едва заметная улыбка — та, что появлялась только здесь, только в этом доме, только перед ней.

«Моё сердце сегодня пропустило удар. Не из-за тебя, просто, ангел мой».

Мысль была горькой, но честной. Он не имел права впускать в себя никого, даже на мгновение. Она была мертва, а он жив лишь наполовину. И этой половине хватало её призрака, её запаха в яблоневом саду, её глаз с картины.

— Босс!

Голос Карима ворвался в тишину, как осколок стекла. Леон резко обернулся, и его лицо вновь стало маской раздражённого хищника.

— Кан сбежал! — Карим, запыхавшийся, остановился в двух шагах, пытаясь отдышаться.

— Что? — одно слово, но в нём уже клокотала ярость.

Леон рванул с вешалки пиджак и, не глядя на картину, покинул особняк. Яблоневый сад остался позади. Аромат весны сменился запахом бензина и дыма. Призрак Элы остался висеть на стене, глядя в пустоту. Она знала — он вернётся. Он всегда возвращался к ней.

Но сегодня его ждала охота.

Черный букет на белой скатерти

Парковка у «Alter Ego» тонула в серых сумерках, когда Агата, заметив знакомый силуэт в окне, пулей вылетела на улицу.

— Мама! — её голос звенел тревогой и невысказанным «ты с ума сошла». — Ты что тут делаешь?

Женщина, опираясь на изящную чёрную трость, улыбнулась так, будто совершила маленькое хулиганство.

— Надоело сидеть в четырёх стенах.

Этери. В свои тридцать четыре она выглядела не старшей сестрой, а скорее ровесницей дочери. Те же зелёные глаза, та же точёная фигура, те же кудри — только чёрные, как вороново крыло. В пятнадцать лет она сама была ребёнком, которого бросил мужчина, оставив на руках другого ребёнка. Родители отвернулись, мир захлопнул двери, и только тётя, а потом — она сама — вытянули себя и дочь из нищеты.

С тех пор Этери ненавидела мужчин. И любила только двоих: свою дочь и вино.

— Ты бы хоть позвонила, — Агата подхватила мать под локоть, смягчаясь.

Они устроились за столиком у панорамного окна. Смеялись, сплетничали, пили кофе. На час Агата позволила себе забыть, что она — львица, хозяйка империи, фигура в чужой шахматной партии. На час она была просто девочкой, кото-

рую любят.

Орхидеи опустились на стол бесшумно, как приговор.

Огромный, почти вызывающий букет чёрных, редких цветов. Администратор что-то тараторила про курьера и подпись на накладной, но слова долетали до Агаты, как сквозь толщу воды — смазанные, далёкие, неважные. Важными были только три слова на открытке.

— У тебя появился поклонник? — Этери вдохнула аромат орхидей, прикрывая глаза с почти греховным наслаждением.

— У меня их тысячи, — автоматически ответила Агата, вытягивая из букета маленький конверт. Прочитала. Замерла.

— Мам...

— Что там? — Этери выхватила открытку, пробежала глазами ровные, острые буквы. — «Мы не договорили тем вечером. В семь за тобой приедет машина».

Она подняла взгляд на дочь, и в нём больше не было утренней лёгкости.

— Кто тебя зовёт на свидание?

Агата сглотнула. Имя застряло в горле, как заноза.

— Марсель.

Тишина повисла между ними, тяжёлая, как бархат. Этери медленно отложила открытку, взяла чашку. Её пальцы не дрожали.

— О как, — её голос был ровным, но Агата знала этот тон. Тон женщины, которая слишком хорошо знает цену мужской

власти. — Не советую. Мужчины, имеющие власть, любят только себя. А с такими, как ты... поиграют и кинут.

Она сделала глоток кофе, глядя в окно, где неоновые огни Sin Sity начинали свою вечернюю охоту.

— Уж поверь, я знаю, о чём говорю. Да и ты не без опыта в этом деле, милая.

Агата кивнула. Попросила унести цветы в кабинет. Улыбнулась маме, ответила на вопрос о новом меню, обсудила завтрашнюю доставку.

Но мысли её уже не были здесь. Чёрные орхидеи. Его цветок. Его подпись. Его заявка. Как метка на добыче, которую хищник оставляет, чтобы другие знали: эта территория занята.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле окна. Львица. Зеленоглазая ведьма. Женщина, которая только что получила приглашение в логово самого опасного хищника этого города. «С такими, как ты, поиграют и кинут». Но мама не знала главного. Агата не боялась быть брошенной. Она боялась, что уже не сможет уйти сама.

Ужин не с тем

Ближе к вечеру Агата стояла перед зеркалом дольше обычного. Красное платье — её тайное оружие, броня и искушение в одном флаконе — облегло фигуру так, будто было сшито из жидкого пламени. Она смотрела на своё отражение и повторяла, как мантру:

«Я еду не потому, что хочу. Не потому, что мне интересен этот мужчина с глазами-омутами. Не потому, что перед сном прокручиваю нашу встречу на лоджии и, как дура, улыбаюсь в подушку. Не потому, что номер с его визитки выучила наизусть и палец чешется набрать. А потому что отказывать главе города неприлично. Только поэтому».

Она почти поверила.

Машина привезла её к ресторану японской кухни. Лаконичный фасад, приглушённый свет, никакой вычурности — вкус, а не понты. Она выдохнула, поправила выбившийся локон и шагнула внутрь.

За столиком, куда её проводили, сидел Карим.

Разочарование накрыло с головой — холодное и липкое. Она даже не сразу поняла, что стоит, вцепившись в сумочку, и буравит взглядом этого самоуверенного нахала.

— Прекрасно выглядишь, — он отодвинул для неё стул, сияя улыбкой, от которой хотелось закатить глаза.

— Ты потратил моё время, — выдохнула она, даже не са-

дьясь. Злость была несправедливой: он не виноват, что она сама накормила себя надеждами. — Пригласил на свидание в это... убогое место. На что рассчитывал? Я же ясно всё объяснила.

— Но ты ведь приехала, — он поднялся и теперь смотрел на неё сверху вниз, пряча усмешку в уголках губ. — Или просто ожидала увидеть кого-то другого?

— Это не твоё дело, — она сложила руки на груди, защищаясь.

— Имей в виду: ты мне понравилась, — его голос стал тише, твёрже, без намёка на прежнюю игривость. — И это плохо. Для тебя. Потому что с другими теперь у тебя возиться не получится.

— Угрожаешь?

— Да.

Коротко. Веско. Без тени улыбки.

Агата смотрела в его глаза и вдруг ясно увидела: за маской весёлого помощника сидит хищник. Не такой, как Леон: тот рвёт клыками. Этот душит медленно и без свидетелей.

— Так сильно влюбился? — она усмехнулась, но маска держалась на честном слове. — Ладно. Давай поужинаем.

Она села. Выпила вино залпом. К её удивлению, вечер перестал быть пыткой. Карим умел быть интересным, когда не пытался казаться тем, кем не является. Он шутил смешно, ухаживал без пошлости, подливал вино и слушал — по-настоящему слушал, не перебивая. Агата даже поймала себя

на мысли, что ей жаль. Жаль, что такой парень выбрал не ту дорогу. Хотя кому она, владелица элитного борделя, об этом говорить?

У выхода он задержал её у открытой дверцы автомобиля. Вечерний воздух был пьяным без вина.

— Ну что? — Карим смотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде не было наглости — только надежда. — Я заслужил поцелуй?

Агата задержала дыхание. Потом поднялась на носки и коснулась губами его щеки. Коротко. Почти по-сестрински. Но Карим просиял так, будто она подарила ему звезду.

Хлопок двери соседнего автомобиля прозвучал как выстрел.

Агата обернулась и встретила взглядом с Марселем.

Он стоял в трёх метрах, в обрамлении охраны, и смотрел прямо на неё. Его лицо было бесстрастной маской, но в голубых глазах, ледяных и глубоких, что-то промелькнуло. Что-то, от чего у неё перехватило дыхание и захотелось провалиться сквозь асфальт.

«Почему мне стыдно?» — пронеслось в голове. — «Я не его женщина. Я вообще ничья. Почему же я чувствую себя пойманной на измене?»

— Добрый вечер, — Карим склонил голову в почтительном поклоне.

Марсель кивнул сухо, едва заметно, и, не сказав ни слова, направился ко входу в ресторан. Его охрана бесшумной те-

нюю скользнула следом.

— Ну что, поехали? — Карим бережно, почти собственнически, придержал дверцу.

Агата скользнула на сиденье, но даже сквозь тонированные стёкла чувствовала спиной чей-то тяжёлый, немигающий взгляд.

Марсель сидел за отдельным столом и смотрел в меню, не видя ни одной строчки. Аппетит исчез. Испарился. Растворился в ту секунду, когда он увидел её в красном, как его грешные мысли, платье, целующей щёку этого мужчины. Он хотел её. Уже привык к этому хотению — к этому раздражающему зуду под кожей, который не снимался ни виски, ни властью, ни чужими клятвами верности. Но одно дело — желать красивую женщину. Другое — позволить себе думать, что она свободна, что у неё нет никого, кто имел бы право касаться её кожи губами.

Оказалось — есть. И этот кто-то — правая рука одного из опаснейших людей города.

Марсель отодвинул меню и жестом подозвал официанта.
— Виски. Двойной.

Он смотрел в окно, где на парковке уже не было её автомобиля, и чувствовал то, чего не испытывал много лет.

Разочарование.

И острый, как бритва, вопрос:

Если у неё есть он — зачем она прикрывалась моим именем? Зачем смотрела на меня так, будто я — единственный

свет в этой проклятой темноте? К тому же просила защиты от своего же молодого человека?

«Я хотел с ней поиграть. А теперь не пойму, кто из нас охотник, а кто уже попал в капкан».

В машине, уносящей её прочь от ресторана, Агата смотрела в окно и видела только одно — его взгляд. Короткий. Тяжёлый. Немигающий. Она не знала, что прочитала в нём. Не смела надеяться, что это ревность. Не смела думать, что это разочарование. Она лишь сжимала в сумочке визитку, которую носила с собой уже неделю, и шептала в такт колёсам:

— Дура. Какая же ты дура, Агата.

За столиком в пустеющем ресторане Марсель допил виски и, не прощаясь, вышел в ночь.

— Узнай всё о её отношениях с Каримом, — бросил он на ходу своему человеку. — Всё, до мельчайших деталей.

Он не привык проигрывать и не собирался начинать.

Декорации

Ночной город жил своей жизнью. Не той, что днём — с офисами, школами, очередями в супермаркетах. Ночью город сбрасывал маску приличия и показывал настоящее лицо.

Ресторан «Alter Ego».

Джаз лился из динамиков, смешиваясь с запахом дорогих духов и сигар. За столиками сидели те, кто мог позволить себе всё: деньги, власть, молодых девушек, которые смотрели на спутников с одинаковыми пустыми глазами.

— Ещё шампанского, — капризно протянула блондинка в красном платье.

Её спутник, лысый, в золотых часах, щёлкнул пальцами, даже не глядя на официанта. Тот подлетел мгновенно.

— Два бокала.

— Слушаюсь.

Официант исчез так же быстро, как появился. Он знал своё место. Здесь таких, как он, не замечали. В углу, за отдельным столиком, двое мужчин говорили вполголоса. Папка с деньгами переключалась из рук в руки под столом. Никто не видел. Но все знали: здесь так работает.

Украина. Ночной клуб «Дно».

Название говорило само за себя. Музыка долбила так, что закладывало уши. Потные тела двигались в такт, кто-то целовался в углу, кто-то спал лицом в столик. Пахло потом,

дешёвым алкоголем и чем-то ещё — ржавчиной и страхом, въевшимся в стены так, что никакая уборка не смоет. У бара сидел парень лет двадцати. Смотрел в одну точку, сжимая в руке пустой стакан.

— Ещё? — спросил бармен.

— Нет. Всё.

Он встал, шатаясь, и пошёл к выходу. На улице его ждали трое.

— Должок, — сказал старший.

— Нет денег.

— Тогда отработывай.

Парня поволокли в переулок. Никто не обернулся. Здесь так было принято.

Элитный особняк в центре.

Охрана скучала у ворот.

— Слышал, Леона того... — начал один.

— Цыц, — оборвал второй. — Не твоего ума дело.

— Я просто...

— Я сказал, цыц.

Первый замолчал. Но мысль осталась. В городе что-то менялось. Это чувствовали все — от бомжей на вокзале до чиновников в мэрии. Воздух пах войной.

Кладбище. Ночь.

Старик сторож сидел в своей будке, грел руки о кружку с чаем. Снаружи выл ветер, качались фонари, скрипели старые деревья.

— Опять кто-то ходит, — пробормотал он себе под нос.

Но проверять не пошёл. Не его дело. Кому надо — придут. Кому надо — уйдут. А он будет сидеть здесь до утра, пить чай и делать вид, что ничего не замечает. Так проще. Так безопаснее.

Город спал. Точнее, делал вид. Потому что в этом городе никто не спал по-настоящему. Слишком дорого обходилась беспечность. Где-то в элитной квартире женщина смотрела в потолок и ждала мужа, который обещал вернуться к ужину. Где-то в подвале мальчик лет десяти учился стрелять. Где-то на вокзале бомж накрывался газетой и пытался забыть, что когда-то у него была семья.

Город жил. Город дышал.

Город жрал себя.

И всем было плевать.

«Маленькая львица»

Агата направляла своих людей по городу — через связи узнавать, куда делась Эла. Скорее всего, та сбежала, но это ей не поможет. Документы девушки у Агаты, вещи и деньги тоже, так что найти беженку не составит труда, а уж наказание не заставит себя ждать.

На следующий день после разговора с Леоном она, как и требовал Марсель, пришла в его кабинет. Какого было удивление девушки, когда обычная визитка оказалась пропуском в самое охраняемое помещение города — не передать словами. Но то, что Марсель дал ей договор и теперь её заведе-

ние охранялось самим орденом, повергло Агату в шок. Либо она попала в фильм, где богач способен решить все проблемы одним словом, либо в книгу, где прекрасный, властный парень настолько влюблён, что готов на такие жертвы.

Но она понимала, что это всего лишь жалкая реальность, в которой властью и деньгами можно купить тело человека. И Агата не сомневалась, что всё это Марсель проворачивает, чтобы овладеть ею ночью и вышвырнуть утром. По-другому не бывает. Невозможно поверить в любовь в этом богом забытом мире, где бороться нужно за своё жалкое существование, а уж точно не за чувства. Здесь выживают, а не чувствуют.

Крик вырвал её из оцепенения.

Агата подняла голову и увидела, как на парковке, прямо под колёсами вылетевшего из-за поворота внедорожника, замерла маленькая девочка. Дальше она действовала на автомате: дверь машины, несколько широких шагов на каблуках, рывок — и ребёнок уже прижат к ней, а машина проносится мимо, оглашая парковку возмущённым сигналом.

— Ты в порядке? — Агата опустила на корточки, лихорадочно осматривая девочку. — Не ушиблась? Где твои родители?

Ребёнок шмыгнул носом, готовый расплакаться, но вместо этого уставился на свою спасительницу с неподдельным интересом.

— Я няню потеряла...

— Сейчас найдём, не переживай, — Агата улыбнулась, и улыбка получилась тёплой, совсем не той, какой она скалилась на переговорах.

Девочка без стеснения протянула руку и запустила пальчики в рыжие кудри Агаты, перебирая их с благоговением.

— Красивые! — выдохнула она. — У меня такие же вырастут?

Агата рассмеялась искренне, легко, как не смеялась давно. У девочки были такие же рыжие волосы, только детские, пушистые.

— Думаю, да.

— Я Геля, — ребёнок доверчиво обвил руками её шею, когда Агата подняла её на руки.

Десять минут поисков — и няня нашлась. Заплаканная, испуганная до смерти, она рассыпалась в извинениях, умоляя ничего не рассказывать папе.

— Всё хорошо, — Агата взглянула на девочку. — Думаю, Геля умеет хранить секреты, правда?

Геля закивала с серьёзным видом, прижимая палец к губам. Уходя, Агата ещё долго слышала за спиной восторженный голосок, доносившийся из отъезжающей машины:

— Агата такая классная! Она придёт к нам в гости? Я буду такая же красивая, как она, когда вырасту, да?

Агата улыбнулась, садясь в машину. Она даже не подозревала, что только что спасла дочь человека, с которым завтра, возможно, разделит постель. И что рыжие кудри и голубые

глаза этой девочки скоро свяжут их всех крепче любых договоров.

1:1

Вечер в «Alter Ego» обещал быть особенным. Нора знала это ещё тогда, когда надевала чёрные кожаные шорты и топ, открывавший её расписное тело. Розовые волосы струились по плечам, линзы делали взгляд загадочным, а макияж — естественным, но убийственным.

«Сегодня я просто танцую», — думала она, любуясь собой в зеркале. — «Никаких богатеньких дедков. Никаких чужих рук. Только я и пилон».

Агата сдержала слово. И за это Нора была готова целовать ей руки.

— Думаю, она согласится чуть позже, — Карим выпивал вместе с боссом, расположившись за вип-столиком в клубе львицы. Сегодня обещали лучшее шоу, но они тут не для этого, а чтобы попытать удачу второй раз и снова поговорить с Агатой. Теперь её можно припугнуть посильнее, ведь они знали, что с Марселем та никакой связи не имеет.

Парни снова выпили, слушая объявление о том, что сейчас будет выступать девушка из жаркой страны, которая приехала сюда показать свой талант. И всё вокруг для Леона затихло. Он не слышал шуток Карима, а пристально следил за девушкой, которая приковала к себе все взгляды. Она вызывала странные чувства: выглядела очень необычно, но её тело было шикарным. Она, как кошка, двигалась к пилону; её

взгляд был уверенным, а лёгкая ухмылка сражала наповал.

Весь танец Леон не сводил с неё глаз, даже солнечные очки снял, чтобы лучше видеть, запомнить каждое движение прекрасного тела, чужое уверенное выражение лица и постараться не забыть. Он хотел. Впервые за столько лет он хотел не чтобы снять стресс, а чтобы насладиться и выпустить эти непонятные эмоции прямо в незнакомку, которая посмела с ним так поступить, хоть и ненамеренно. Она даже не подзревала, какие чувства и у кого посмела вызвать, но время всё расставит по местам. И лучше этой девчонке будет сдаться по собственной воле. Иначе Леон устроит войну. В первую очередь с самим собой.

— Эта официантка ещё и танцует, — хмыкнул Карим, когда девушка покинула сцену. — Львица знает толк в девочках, — он пару раз кивнул и допил горячительный напиток.

— Кстати о ней, — Леон отвлёкся от мыслей о незнакомке и поднялся на ноги, позвав с собой Карима, который только рад был увидеться с Агатой.

Парни вышли из клуба и спустились на второй этаж, куда им разрешил пройти секретарь девушки. Зря.

— Доброй ночи, — Агата отставила на стол бокал вина, осматривая мужчин. Она прекрасно знала, зачем те пришли, и показательно вздохнула, чтобы те поняли, как сильно она не рада их видеть.

— Посоветовались? — Леон, не снимая очков, сел напротив девушки и ухмыльнулся. Он показывал, что всё знает. И

девушка видела, что он уверен в себе. Мысленно она усмехнулась.

— Конечно, он тоже против, — кивнула Агата и посмотрела на Карима. — А ты... — она поймала его взгляд. — Я почему-то думала, ты умнее.

— Он тут ни при чём, — Леон привлёк внимание девушки обратно к себе и положил на стол договор, перевернув на последнюю страницу. — Подпиши. Уверю, тебе понравится работать с нами.

— Я вроде понятно выразилась, — Агата тут же нахмурилась, не понимая, почему этот мужчина не боится даже после упоминания главы города. — Забирай свои бумажки и проваливай!

Леон пару секунд подумал, а после обернулся к Кариму:

— Дай мне ствол.

— Босс, нет, зачем? — тот вскинул брови, испуганно посмотрев на старшего. После такого Агата точно не захочет с ним продолжать, а у них только наладилось хотя бы общение.

— Живо, — рыкнул Леон и, вытянув руку, получил оружие. Он обернулся и увидел, как Агата отбегает к окну, судорожно набирая чей-то номер в телефоне.

Она очень хотела позвонить в крайнем случае, и это явно был именно тот случай, ведь другого выхода у неё не было. Прямо сейчас она могла лишиться жизни, ведь этим парням что чай выпить, что убить — обычное дело. Правда, она совсем не ожидала, что они будут настолько напрямую угро-

жать.

— Марсель, помогите, — Агата прошептала в телефон и посмотрела на Леона, который смеялся.

— Последний раз. Чернила или свинец, — Леон медленно шагал к девушке, не слушая Карима, который просил успокоиться и не переходить границы.

Агата показала Леону средний палец и схватила вазу с подоконника, швырнув её в старшего. Пока у неё была пара секунд, она сорвалась к выходу, но её перехватил Карим. Всё-таки, если он даст ей сбежать, будет следующим, на ком отыграется Леон.

— Убери руки, козёл! — Агата начала отбиваться, но поняла, что бесполезно: хватка у Карима была сильной. Девушка видела, что Леон уже злой шёл на неё, мысленно вспомнила все молитвы и выдохнула, когда тот остановился. Кажется, молитва помогла. Кажется, сам Бог пришёл ей на помощь. Так и есть.

— Отпусти, — услышал за спиной Карим и сразу отпустил Агату. Тут и гадать не надо: по голосу было слышно, кто стоит за его спиной.

Марсель подошёл к столу, взял контракт и медленно разорвал его пополам.

— Леон, ты, кажется, перепутал мой город со своим собственным тиром, — его голос был тих, но каждое слово падало, как камень. На его лице не было эмоций, но всем и так было понятно, насколько всё серьёзно. — Вдвоём на одну

девушку? Ещё и с оружием... Как низко.

Марсель чувствовал, как Агата вжалась в его спину, и злился только сильнее. Как можно было напугать такую храбрую девушку?

— Если ты ещё раз появишься здесь без моего приглашения, мы с тобой поговорим без свидетелей. Понял?

Леон злился, но не имел права прострелить лоб этому парню: за ним стояли охранники и точно среагировали бы на попытку убить главу города. Леон позвал Карима, и они ушли, так и не добившись цели. Опять. Но у них всегда был план «Б», и Леон одним взглядом показал это Агате, когда покидал её кабинет.

— Спасибо, — девушка вернулась к своему столу, пока Марсель закрывал за ними дверь, оставив охранников в коридоре. — Спасибо...

— Тебе повезло, что я был недалеко, — Марсель провёл рукой по волосам, укладывая пепельные пряди, и осмотрел уютный кабинет Агаты. — Почему тебе была нужна помощь? Разве кудрявый не твой мужчина? Я видел, как ты его целовала на днях.

— Нет, он просто очередной сталкер, — девушка допила вино из бокала, пытаясь собраться с мыслями. Правда, её тревожило не то, что три минуты назад она чуть не погибла, а то, что сейчас в её кабинете стоял сам Марсель. Совсем один, без охраны, и такой спокойный. Можно было расценить это как знак доверия. — Заманил на ужин. Но больше я с ним

никуда не пойду.

Марсель забрал у девушки бутылку вина, которую она достала из бара, и сдержал улыбку, увидев непонимание на её лице.

— Есть второй бокал? — он взял штопор, пока Агата, кивнув, доставала второй бокал из шкафа.

— Как вы узнали, что я им говорила про вас? Вы с ними знакомы? — Агата села на диван, а рядом расположился Марсель, протянув ей один из двух бокалов.

— Я всё знаю, — он открыто рассматривал девушку и, как и в первую встречу, совсем не скрывал этого. — За тобой теперь должок.

Агата чуть усмехнулась и, кивнув, отпила любимый напиток.

— Не спорю. Чего хотите? — она смотрела в голубые глаза старшего, всё ещё пытаясь прийти в себя. Такой мужчина спас её от смерти. Она готова была броситься к его ногам, благодарить, но как-то держалась. Чтобы себя показать. Хотя хотелось бы один красный бант на себя нацепить, прийти к Марселю и сказать, что это благодарность за помощь. Всю себя отдать, подарить, душу и сердце вложить в эти сильные руки и попросить так же защищать от всех и всего. Тогда и жить будет легче, и воздух вокруг будет чище, и внутренний ребёнок Агаты успокоится. Ведь будет не страшно, будет спокойно. Хотя бы разок это ощутить. Агата чувствовала, что Марсель так может. Он только что сам это показал

и доказал. Настоящий мужчина. Но у всего было своё «но». Именно поэтому девушка отгоняла все мысли, навязанные сердцем, и думала головой. В ловушку она попасть снова не хотела и не попадёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.